

**АВТОР В ДРЕВНЕРУССКИХ ВОИНСКИХ ПОВЕСТЯХ***Н. В. Трофимова*

Воинская повесть — один из древнейших жанров, развивавшихся в русской литературе с XI по XVII вв. Он формировался в рамках летописей и долгое время существовал только как их неотъемлемая часть. С конца XIII – начала XIV вв. наряду с летописными начали появляться воинские повести, охватывавшие более широкий круг событий, выходящие за рамки годовой записи. Они бытовали в сборниках исторического и смешанного содержания, включались и в летописи в XVI–XVII вв. Сложные по структуре, глубже раскрывающие облик персонажей, детализирующие ход событий, они были связаны с началом процесса беллетризации и существовали параллельно с летописными повестями.

Авторы воинских повестей, как летописных, так и внелетописных, по большей части нам неизвестны. Анонимность произведений этого жанра даже более последовательна, чем, например, в житиях. Причиной этого, видимо, были стремление повествователей прежде всего правдиво рассказать о ходе событий, не принося ничего лишнего, а также присущее всем древнерусским авторам смирение, заставляющее осознавать собственное ничтожество и рассматривать своё произведение как плод дара, данного Творцом. Поэтому в воинских повестях авторы редко упоминают о своём участии в событиях, часто нельзя даже понять, был книжник их непосредственным свидетелем или записывал со слов очевидцев.

Однако, повествуя о событиях, автор не мог быть совершенно объективным. Как правило, начиная с самых ранних произведений, позиция повествователя просматривается в текстах благодаря постоянному набору приёмов. Поэтому образ автора-повествователя в каждой повести соединяет в себе традиционные, свойственные жанру в целом, и индивидуальные черты.

Для авторов воинских повестей основной общей чертой был патриотизм, который выражался в горячем сочувствии защитникам Руси и осуждении врагов, в понимании противоестественности войн между князьями-братьями. Однако оценки событий были связаны с целым комплексом задач и обстоятельств, на которые книжники ориентировались. Каждая повесть, помимо рассказа о событиях, обязательно выполняла дидактическую функцию: на их примере автор поучал читателей, делая выводы из рассказанного или прямо подводя к ним читателя. Играли роль в отборе и изображении событий принадлежность автора к определённому княжеству и близость к той или иной ветви княжеского рода, что сказывалось на выражении им симпатий и антипатий, освещении деятельности персонажей, особенно когда дело касалось междоусобных распр. Кроме того, повести в какой-то мере отражали степень близости по времени книжника к описываемым событиям, что сказывалось, например, на использовании фольклорного материала.

В воинских повестях можно проследить две взаимосвязанные идеи, настойчиво проводимые авторами разных эпох, которые ярко отражают их представления о ходе событий. Первая из них — это идея «Божьих казней», настигающих людей за грехи, которая сформулирована была впервые в рассказе «Повести временных лет» о неудачной битве Ярославичей против половцев под 1068 г. Одним из наказаний за грехи летописец считает «нашествие иноплеменных» и поражение, нанесённое ими. Эта мотивировка событий затем широко распространяется в воинской литературе, объясняя практически все неудачи русских войск в битвах с врагами, а также поражение одного из князей в междоусобных войнах.

Важнейшим грехом, приводящим к поражению в битве, книжники считали гордыню, противопоставляя её смирению, и утверждали, что Бог покровительствует правым и смиренным и наказывает гордых. В повести о битве на Нежатиной Ниве в 1078 г. повествователь, осуждая похвалившегося своей силой Бориса Вячеславича, произносит: «не вѣды яко Богъ гордымъ противитися, смѣренымъ же благодать дати, и да не похвалитя силны силою своею» (192)<sup>1</sup>. Автор выражает свою мысль цитатами из Посланий апостолов Иакова (4: 6) или 1 Петра (5: 5); Книги пророка Иеремии (9: 23). Эти цитаты стали затем общими местами и встречаются в воинских повестях, написанных в последующие века. Например, ими в повести о походе 1174 г. Андрея Боголюбского против князей Ростиславичей киевский автор подчёркивает гордыню князя, собравшего силы всех подвластных ему городов, но потерпевшего поражение. В Софийской I летописи те же цитаты оценивают гордых рязанцев, которые «възнесъшеся мыслію и възгордѣшася величаніемъ, и помыслиша высокоуміемъ своимъ...» (440)<sup>2</sup>, отправились в поход против смиренных москвичей в 1372 г. и потерпели поражение в битве на Скорнищеве. Перечень случаев аналогичного использования этих цитат можно продолжать.

Мысль о покровительстве Бога смиренным и правым могла выражаться не только в цитатах через противопоставление, но и через прямое упоминание вмешательства Божественных сил в военные события. Среди ранних воинских повестей ярко проведена эта идея в повести о Шаруканском походе 1111 г. Сам поход русских князей против половцев, по словам автора, состоялся потому, что «Вложи Богъ Володимеру въ сердце» мысль о нём, и тот убедил всех князей выступить против врагов, разорявших Русь. Выступает войско в поход «возложивше надежду на Бога и на Пречистую Матерь Его, и на святые ангелы Его» (267) во вторую неделю поста, по дороге исполняя все обряды, в сопровождении священников. В первом бою «поможе Богъ рускимъ княземъ», а во втором произошло чудо: «падаху половци предъ полкомъ Володимеровомъ, невидимо бѣеми ангеломъ, яко се видяху мнози челоуѣци, и главы летяху, невидимо стинаемы на землю». Пленные половцы на расспросы о причинах быстрого их бегства с поля боя отвечали: «Како можемъ битися с вами, а дружины ѣздяху верху васъ въ оружьи свѣтлѣи и страшни, иже помагашу вамъ?» (268).

Соединяет обе мысли Повесть о нашествии Едигея в Рогожской и Симеоновской летописях. Они заданы авторской установкой, декларированной в первой фразе текста: «Въ лѣто 6917 прилучися таково зло грѣхъ ради нашихъ въ Руси»

(177)<sup>3</sup>. Мысль о приходе врагов как каре за грехи и о возможности прощения смиренных проходит через всё произведение и обуславливает выбор цитат, входящих в авторские отступления. Первая пара их помещена в пространном рассуждении, начинающем повесть, и прямо говорит о грехе и наказании: «...верху власть прегрѣшени нашихъ обрѣтаемься, того ради Господу Богу наказующу насъ и посѣщающу жезломъ беззакония наша по пророку» (178). Первая часть фразы неточная, без указания на источник цитата из Псалтири (37: 5), вторая, со ссылкой на пророка и более точная, из того же источника (88: 33).

Вторая группа цитат отнесена к рассказу о Свидригайле Ольгердовиче, приехавшем на помощь московскому князю, принятому с почётом и получившему от Василия Московского в наместничество множество земель, в том числе Владимир. Решение Василия вызывает несогласие летописца, утверждающего, что такой священный город нельзя было отдавать «ляху». Поэтому, забегая вперёд, автор говорит о последствиях недальновидности князя, цитируя ряд фрагментов Писания: «...тѣмже и бѣды многы постигоша насъ (ср.: Втор. 31: 17, 31: 21), храбрии паче женъ явишася (ср.: Исход 19: 16) и страшливее дѣтищъ обрѣтешася, отъя бо ся крѣпкаго крѣпость, по пророку, и стрѣлы младенецъ язвы быша имъ (Пс. 63: 8) и лысты мужественныя (Пс. 146: 10) на бѣгъ токмо силу показаша» (181). Последнее выражение автор, несколько изменив порядок слов, повторяет позже, рассказывая о том, что никакой помощи войска Свидригайла русским не оказали. Возвращение к уже приведённой цитате не случайно: в Псалтири она включена в текст, подчёркивающий, что Бог покровительствует не сильным, а уповающим на милость его. Дополняется это размышление во втором случае ещё одной неточной цитатой из того же источника, со ссылкой: «Сломибо ся оружие ихъ и щить гордыхъ огнемъ сожжеся, по пророку» (184) (ср.: Пс. 45: 10). Таким образом, размышления автора об «иноверцах», непродуманно призванных в помощь московским князем, приобретают убедительное и эмоциональное звучание благодаря использованию ряда цитат.

Летописец объясняет спасение Москвы заступничеством Богородицы и митрополита Петра, а также благочестием москвичей. Они, узнав об отъезде из города князя с семьёй, «смотряще яко никто же помагая имъ и человѣчское спасение не обрѣтесе имъ, и памятующе Давида, еже пиша, рече: добро есть уповати на Господа, нежели уповати на князя, добро есть надѣятися на Бога, нежели надѣятися на человѣка» (184) (ср.: Пс. 117: 9, 8). Примечательно, что автор поменял местами стихи Псалтири, потому что москвичи, конечно, из земных властей в первую очередь могли надеяться на защиту князя. Сразу за этим рассуждением летописец помещает две молитвы жителей города — Христу и Богородице, — подтверждающие высказанную мысль.

В конце повести автор рассуждает о том, что хотя Бог допустил приход врагов на Русь за грехи, но «милости же своя не отведе до конца, аще и озоба насъ вепрь отъ луга, и инокъ дивн пояде насъ (ср.: Пс. 79: 14), но корени благочестия не исторже» (185). Таким образом, на протяжении всего произведения цитатами автор подтверждает мысль о воплощении в исторических событиях Божественного замысла.

Наряду с этими идеями, постоянными для летописцев разного времени и разных княжеств, можно отметить некоторые черты, отличающие повествователей отдельных земель в эпоху феодальной раздробленности. Например, это склонность к объективности, отстранённости повествования, свойственная киевским книжникам XII в. по отношению к междоусобным войнам, стремление мотивировать события, не оценивая прямо поступки их участников. В противоположность этому стремление изобразить с положительной стороны своих князей-монашичей и извлечь из хода событий поучительные выводы свойственно владимирским авторам, последовательно проводившим провиденциальную точку зрения на события и широко использовавшим для её выражения библейские цитаты<sup>4</sup>.

Отличаются от повествователей других княжеств новгородские авторы. Они почти не прибегают к рассуждениям, дидактическим обращениям и цитатам, чаще всего ограничиваясь отдельными эмоциональными репликами, связанными с военными действиями. Именно в такую форму облечено неприятие усобиц в повести Новгородской I летописи о битве на Липице.

Автор трижды выражает своё отношение к событиям. «Оле страшно чюдо и дивно, братье; поидоша сынове на отця, брат на брата, рабъ на господина, господинъ на рабъ» (56)<sup>5</sup>, — восклицает он, рассказав о приходе войск к будущему месту битвы. После битвы повествователь дважды оценивает её результаты: «О, мьного побѣды, братье! бешильное число, око не можетъ умъ челоуѣчьскъ домыслити избьеныхъ а повязаныхъ» (56), «О, великъ е, братье, промысль Божи...» (57) — так размышляет автор, имея в виду, что поражение потерпела виновная сторона, князья, затеявшие усобицу и не желавшие идти на мирные переговоры. Конечно, в позиции повествователя в финале сказались и местные пристрастия: ведь победу одержали новгородцы во главе с Мстиславом, а поражение потерпели суздальские князья-захватчики новгородских земель, но первая реплика свидетельствует об отрицательном отношении к братоубийственным войнам вообще.

В редких случаях летописные повести отражают некоторые индивидуальные представления или черты автора. В начале всех редакций повести о битве на Калке встречаем вступление, в котором книжники выражали общее недоумение по поводу появления новых незнакомых врагов: «Того же лѣта явишася языци ихже никтоже ясно не вѣсть кто суть и отколе изидоша и что языкъ ихъ и которого племени суть и что вѣра ихъ и зовуть я Татары а инии глаголють Таумены а друзии печенѣзи...» (445–446). Но дальше автор текста, включённого в Лаврентьевскую летопись, прямо говорит о том, что ему неизвестна история этого народа: «Богъ же единъ вѣсть ихъ, кто суть и отколѣ изидоша, премудрии мужи вѣдять я добръ, кто книги разумно умѣть. Мы же ихъ не вѣмъ (здесь и далее подчёркнуто мною. — Н. Т.), кто суть, но сдѣв вписахомъ о нихъ памяти ради русскихъ князии бѣды, яже бысть отъ нихъ. И мы слышахомъ, яко многы страны поплѣниша: ясы, обезы, касоги, и половець безбожныхъ множество избиша...» (446)<sup>6</sup>. Автор не уверен и в называемом количестве погибших на Калке: «Мьстиславъ старый добрый князь ту убьенъ бысть и други Мстиславъ и инѣхъ князии 7 избьено бысть, а боляръ и прочихъ

вои много множество. Глаголють бо тако, яко Кыянь одинѢхъ изгыбло на полку том 10 тысячъ» (446–447).

Такая неуверенность в излагаемых фактах — редкое явление для воинской повести, возможно, по этой же причине отсутствует и описание битвы. В то же время летописец точно указывает дату события, 30 мая, и описывает горе Руси: «И бысть плачь и туга в Руси и по всей земли слышавшимъ сию бѣду» (447). Необычные черты в позиции автора можно объяснить реальными историческими обстоятельствами: владими́ро-суздальские войска не приняли участия в битве на Калке, до автора дошли, скорее всего, лишь сведения, переданные через третьи руки, молва о страшном побоище, и он честно отразил неполноту своих знаний в повествовании.

В создании воинских повестей принимали участие не только авторы, но и редакторы более позднего времени. Их представления об изложении военных событий со временем изменялись. В XV в. изменения сказались прежде всего в выборе и обработке текстов предшественников. При этом был возможен один из трёх путей: 1) предельное сокращение текста, стремление передать лишь основной ход событий; 2) незначительная переработка произведений с целью уточнения представлений читателей о действующих лицах далёкого прошлого и изъятие субъективно-оценочных фрагментов, связанных с пристрастиями к той или иной стороне, участвовавшей в событиях; 3) сохранение древней основы повествования и наполнение её новыми деталями и речами персонажей — беллетризация сюжетов. В любом случае образ повествователя не претерпевал существенных изменений, разве что становился ещё более объективным.

В XVI в. более заметным стал индивидуальный подход повествователя к событиям. Так, в Тверском сборнике редактор воинских повестей склонен был пояснять те факты, которые казались ему не совсем ясными в текстах его предшественников, дополнять описания, делая их более выразительными, иногда по-своему интерпретировать события.

Самостоятельность его проявляется, например, в трактовке событий на реке Калке. Вслед за рассуждением о татарах, которые были во всех сводах, автор поместил рассуждение о гордости князей, приведшей к поражению: «...но не сихъ же (т. е. татар. — *Н. Т.*) ради сие случися, но гордости ради и величания Рускихъ князь попусти Богъ сему быти. Бѣша бо князи храбры мнози, и високоумны, и мнящися своею храбростию съдѣловающе; имѣяхуть же и дружину многу и храбру, и тою величающеся» (336)<sup>7</sup>. Так автор выразил отношение к междоусобным распрям князей. Эта мысль получает завершение в конце повести. Летописец повторил реплику предшествующих редакций о том, что татары исчезли так же неожиданно, как появились, Бог приводил их за грехи русских людей. А дальше добавил: «и за похвалу и гордость великого князя Мъстислава Романовича» (343). Толкуя это замечание, летописец ссылается на молву («глаголють бо»), говорящую о том, что, узнав о завоеваниях татар, Мстислав сказал: «дондеже есмь на Киевѣ, то по Яико, и по Понтийское море, и по рѣку Дунай саблѣ не махивати» (343). Иначе говоря,

уже описав события, автор разъясняет их причины не абстрактно, как в ранней редакции, а поступками конкретного исторического лица.

Образ повествователя в повестях остаётся самым устойчивым признаком жанра. Как и летописцы предшествующих веков, создатели и редакторы памятников XV–XVI столетий редко высказывают свою позицию прямо. Несколько расширяются возможности оценки за счёт обогащения системы изобразительно-выразительных средств, в частности, эпитетов и сравнений, которые были единичными в ранних повестях и приобрели широкое распространение в начале XV в. благодаря проникновению в воинские повести приёмов житийного стиля «плетения словес». В повестях XI–XII вв. редки эпитеты, выражающие авторское отношение к героям. Например, Святополк Окаянный назван «безумным», князь Ярополк, в событиях 1136 г. сумевший предотвратить развитие междоусобной войны, охарактеризован как «благоумный». Но уже в XIII в. в повести о битве на Калке, входящей в Галицко-Волынскую летопись, автор более пространно оценивает Даниила Галицкого «Бѣ бо дерзь и храборъ, от главы и до ногу его не бѣ на немъ порока» (744–745)<sup>8</sup>, а в повести о битве 1249 г. охарактеризованы уже оба брата — Даниил и Василько: «Сердце же ею крѣпко бѣ на брань и устремлено на брань» (802).

В XV в. количество эпитетов, характеризующих персонажей и отражающих авторское отношение к ним, увеличивается. В повести о Куликовской битве по Софийской I летописи Дмитрий Иванович характеризуется как благоверный, крестолюбивый (456), боголюбивый (459), а Мамай — «оканныи, нечестивии, сверепии» (455), «старыи злодеи» (456), «безбожныи» (456, 470), «зловерныи... поганыи... нечестивии» (459), «нареченыи диявол плотныи» (464). Противопоставленные эпитеты характеризуют предводителей русского и татарского войск, одновременно выражая авторскую оценку их.

Принципиально позиция объективного наблюдателя остаётся основной особенностью образа, но благодаря различным средствам авторам удаётся передать своё отношение к героям и происходящим событиям.

Возникшие в XIII–XIV вв. и развивавшиеся в последующий период внелетописные воинские повести заимствовали многие черты летописных текстов, однако образ повествователя в них получил своеобразные черты.

Ближе всего к авторам летописных повестей стоит повествователь первой широко распространённой внелетописной «Повести о разорении Рязани Батыем». Средства, использованные им для передачи отношения к событиям, ничем не отличаются от тех, что применялись традиционно, они только более многочисленны. Он выражает своё отношение к героям с помощью оценочных эпитетов [«удальцы и резвецы», «люди крылатыи и не имеющи смерти» рязанские воины, Батый «лстив... и немилосерд», «лукав и немилостив» (288)<sup>9</sup>, «окаяныи» (291), «злой тот отметник враг христьянский», «нечестивый законопреступник» (295), «безбожныи зловерныи» (301), Олег Ингваревич «велми красен и храбр» (291)] и прямыми эмоциональными восклицаниями: «И едва одолеша их сильныя полки татарския», «Да противу гневу Божию хто постоит!» (290), «сиа вся наиде грех ради наших» (292), «Кто бо не возплачетца толикаа погибели, или хто не възрыдае о селице

народе люди православных, или хто не пожалит толико побито великих государей, или хто не постонет такового пленения?» (296). Все эти способы были известны летописным воинским повестям.

В то же время автор этой повести ввёл в неё фольклорный сюжет о богатыре Евпатии Коловрате, что способствовало появлению необычного для летописных повестей обилия гипербол и образа врага, который с уважением относится к павшему противнику. Использование фольклорных сведений было свойственно жанру на этапе сложения внутри «Повести временных лет», в более позднее время народнопоэтические сюжеты были редкими, поэтому доверие повествователя «Повести о разорении Рязани» фольклорному материалу можно считать его индивидуальной чертой.

Четыре произведения об осадах городов, относящихся к XV, XVI, XVII вв.: «Повесть о взятии Царьграда турками» Нестора Искандера, «Казанская история», «Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря» Авраамия Палицына и «Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков» Фёдора Порошина — представляют новые черты не только в содержании и композиции, но и в облике повествователей. Наряду с традиционными чертами и устойчивыми средствами выражения авторской позиции в них явственно проявляется автобиографическое начало.

В повести Нестора Искандера оно зафиксировано авторским заключением, в котором он упоминает о своей судьбе и обстоятельствах написания произведения. Хотя некоторые исследователи склонны недоверчиво относиться к сведениям, сообщённым автором о себе, текст произведения свидетельствует о том, что повествователь хорошо знал детали произошедших событий, а элементы некоторой идеализации образа султана Магомеда в финале произведения могут подтверждать тот факт, что он, пленник, обращённый в мусульманство, находился при войске, взявшем Царьград.

Отношение повествователя к героям выявляется через прямую характеристику, выраженную определениями и эпитетами. Оценка хода событий даётся отдельными эмоциональными репликами: «Но что мочно бѣ учинити против такие силы?» (230), «И якоже прѣди писахом: кый язык может исповедати или изрещи тоа бѣды и страсти...» (230), «страшно и жестоко видѣти обоих дръзость и мужества» (248), «Падение же обоих стран, а наипаче ранних — кто может исчезти» (250), «и гласи их (жителей Царьграда. — *Н. Т.*), мню, до небесь достигаху» (258).

Пространные размышления о событиях приведены в двух авторских отступлениях в начале и в конце повести. Первое из них носит дидактический характер. Автор напоминает о покровительстве Царьграду Богоматери, а затем говорит о причинах Божьей кары, посланной на Царьград, видя их в прегрешениях христиан. Второе отступление выдержано в форме плача, но содержит те же мысли, выраженные и отчасти повторяющимися средствами: автор, вспоминая о прошлом божественном покровительстве, вновь упоминал о грехах, приведших к падению города. Традиционная трактовка событий сочетается в произведении с индивидуальными чертами стиля, отмечавшимися ещё А. С. Орловым. Важным

средством выражения авторской позиции, как и в летописных повестях, остаются библейские цитаты<sup>10</sup>.

В «Казанской истории» безымянный автор в одной из первых глав рассказывает о своей судьбе, что также свидетельствует о появлении элементов автобиографизма. Однако факты, переданные им (за двадцать лет до взятия Казани он попал в плен к казанцам, был знаком с вельможами и ханом, беседовал с ними, читал казанские летописи, после взятия города Иваном IV был им крещён, пожалован земельным уделом и «нача служити ему верно»), настолько неконкретны, что не позволяют установить его личность. Тем не менее правдивость повествователя подтверждается упоминаниями о том, что он был свидетелем того или иного события. Так же как авторы воинских повестей, он проявляет свою точку зрения лишь в оценках персонажей и событий через систему тропов, в отступлениях лирического или дидактического типа, т. е. не выходя за рамки принятых в летописях и внелетописных повестях средств. Свойственные ему новые взгляды обнаруживаются в самой художественной ткани произведения, в том числе в системах образов и тропов, которые гораздо обширнее, чем в любой воинской повести<sup>11</sup>.

Авраамий Палицын — один из первых авторов произведений воинской тематики, о котором сохранились реальные исторические сведения<sup>12</sup>. Особенность его повествования в том, что он сочетает черты, свойственные рассказчику воинской повести и жития. С одной стороны, он последовательно самоуничижается, с другой — не забывает упомянуть о своём участии в событиях, в частности о том, что его уговоры сыграли большую роль в решении царя послать войско на помощь осаждённому монастырю. Он приводит и мелкие факты своей биографии, например, ссылается на занятость келарскими обязанностями и болезнью, долгое время мешавшие ему приняться за описание осады, или уверяет читателя, что, прежде чем записать рассказы свидетелей о событиях, бывших в монастыре, он тщательно их проверил. Детальность и точность повествования связывают его с традицией воинских повестей. Авраамий перечисляет количество войск, число раненых и погибших, точно указывает зачастую не только на день, но и на час совершения событий, приводит перечень запасов, взятых воинами из монастырских хранилищ, и пр. По сравнению с «Казанской историей» количество автобиографических сведений увеличивается, автор значительно чаще подчёркивает свою роль в событиях. Соответственно этому традиционные для воинских повестей приёмы выражения авторской позиции становятся более многочисленными и последовательно применяемыми и дополняются теми возможными средствами, которые предоставляла автору житийная традиция<sup>13</sup>.

В «Повести об Азовском осадном сидении» повествователь представляет себя как часть целого — вольного донского казачества. Соответственно его личные суждения, отступления, оценки выглядят как выражение мнения всех защитников Азова. Он соединяет в своём произведении традицию воинских повестей, делового казачьего документа и фольклора. Однако, в отличие от «Повести о разорении Рязани», фольклор используется не на сюжетном уровне, а на уровне художественных средств, вследствие чего приёмы выражения отношения к событиям становятся разнообразнее. При этом, поскольку автор — часть коллективного героя произведения, о конк-

ретном биографизме повествователя говорить не приходится, его образ ближе к повествователям летописных повестей — участников или свидетелей событий.

Таким образом, книжники, создававшие внелетописные повести, сохраняя традиционные для жанра черты облика повествователя и средства выражения его позиции, постепенно начинают более последовательно говорить о своём участии в событиях, упоминать факты своей жизни, что свидетельствует о развитии автобиографизма, ранее не свойственного жанру. Вследствие этого отчётливее становится выражение авторского отношения, появляются яркие средства характеристики и оценки персонажей, в воинскую повесть привносятся художественные элементы различных жанров, избранные индивидуально каждым повествователем. Этот процесс соответствовал общелитературным тенденциям XVI–XVII вв.: поиску новых форм на основе соединения старых жанров и становлению индивидуального типа творчества.

Древнерусский автор, пишущий о военных событиях, — прежде всего рассказчик и наставник. Поэтому в целом в его облике хорошо различимы патриотизм, заставляющий воспринимать беды и победы Руси как личные горе или радость; глубокая вера в справедливость Божьего Промысла, карающего за грехи и прощающего раскаявшихся, дарующего победу правым и смиренным; правдивость, проявляющаяся в стремлении точно и достоверно описать любые события; нравоучительность, ибо каждое событие он осмысливает с точки зрения того урока, который можно извлечь из него, и высказывает мораль с помощью отступлений, библейских цитат или образительно-выразительных средств. Как бы ни были различны повествователи, имён и биографий большинства из которых мы никогда не узнаем, эти черты остаются для них общими на протяжении семи веков существования древнерусской воинской повести.

<sup>1</sup> Здесь и далее текст «Повести временных лет» цит. по: Ипатьевская летопись / ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. Страницы указываются в скобках.

<sup>2</sup> Текст Софийской I летописи цит. по: Софийская первая летопись старшего извода / ПСРЛ. М., 2000. Т. 6. Вып. 1.

<sup>3</sup> Здесь и далее текст Рогожского летописца цит.: Рогожский летописец. Тверской сборник / ПСРЛ. М., 2000. Т. 15.

<sup>4</sup> См. подробнее: Трофимова Н. В. Об использовании цитат из Священного Писания в летописных воинских повестях // XIV Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Материалы 2004. М., 2005.

<sup>5</sup> Здесь и далее текст Новгородской I летописи цит. по: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / ПСРЛ. М., 2000. Т. 3.

<sup>6</sup> Здесь и далее текст Лаврентьевской летописи цит. по: Лаврентьевская летопись / ПСРЛ. М., 1997. Т. 1.

<sup>7</sup> Здесь и далее текст Тверского сборника цит. по: Рогожский летописец. Тверской сборник / ПСРЛ. М., 2000. Т. 15.

<sup>8</sup> Здесь и далее текст Галицко-Волынской летописи цит. по: Ипатьевская летопись / ПСРЛ. М., 1998. Т. 2.

---

<sup>9</sup> Здесь и далее текст «Повести о разорении Рязани Батыем» цит. по: *Лихачев Д. С.* Повести о Николе Заразском: (тексты) // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 7. С. 287–301.

<sup>10</sup> См. подробнее: *Трофимова Н. В.* Цитирование библейских текстов в Повести Нестора-Искандера о взятии Царьграда турками в 1453 г. // XV ежегодная богословская конференции Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М., 2006. Т. 2. Материалы 2005. С. 320–325.

<sup>11</sup> Подробнее об этом см.: *Трофимова Н. В.* Древнерусская литература. Военная повесть XI–XVII вв. Развитие исторических жанров. М., 2000. С. 150–156.

<sup>12</sup> См.: *Солодкин Я. Г.* Авраамий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII век. СПб., 1992. Вып. 3. Ч. 1. С. 38–39.

<sup>13</sup> Подробнее об авторской позиции Авраамия см.: *Трофимова Н. В.* Образ повествователя в «Сказании» Авраамия Палицына // Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании. М., 2008. Вып. 7. Т. 1. С. 87–93.